
ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ

С.М. ФАЛЬКОВИЧ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА МАНИФЕСТАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Abstract:

Falkovich S.M. *The first responses of the Polish political emigration to the manifestation movement of the early 1860s in the Kingdom of Poland*

The article is devoted to the reaction of the Polish political emigration on the national manifestations of the early 1860s in the Kingdom of Poland. The author analyses the opinions on the agrarian question and on the plans of armed struggle for independence of Poland as well.

Ключевые слова: Королевство Польское, национальные манифестации начала 1860-х годов, польская политическая эмиграция.

Начало нового подъема польского национального движения знаменовали прошедшие в Варшаве в июне и ноябре 1860 г. массовые патриотические манифестации. Их главной силой явилась городская молодежь, которая входила в тайные кружки, ставившие целью подготовку вооруженного восстания против царизма. Очередная варшавская демонстрация, состоявшаяся 27 февраля 1861 г., была расстреляна царскими властями, но после этого манифестационное движение не прекратилось, а распространилось и на провинцию. Волнения городских низов и антифеодалные выступления крестьян Королевства Польского свидетельствовали о назревании революционной ситуации, и это заставило царское правительство маневрировать: наряду с применением репрессий — новых кровавых расстрелов, арестов и ссылок — оно обращалось к тактике частичных уступок.

Российские власти проявляли озабоченность в связи с тем, как события в Королевстве Польском были восприняты в Европе. Уже расстрел 27 февраля вызвал там бурю возмущения, о чем впоследствии вспоминал историк Болеслав Лимановский. «Кровавые события в Варшаве, — писал он, — произвели огромное впечатление в Париже. Можно сказать, что все патриотические газеты осуждали насилие российских властей

и признавали справедливость наших национальных требований. Вся Франция высказалась за нас. Имперское правительство выражало полякам большую симпатию, нередко признавая за нами права, принадлежащие только коренным гражданам. [...] Французское духовенство громко проповедовало с амвона в пользу Польши. На поднос для пожертвований в пользу семей кровавых жертв сыпались щедрые дары. На улицах мы встречали сочувствие народа. [...] Итальянцы также проявляли к нам большие симпатии»¹.

В защиту Польши выступали Марк Жирарден, священник А. Гатри, Ш. де Мазад, Ориньо и другие французские политические деятели. Находились, однако, защитники и у российского самодержавия: ими были, в частности, философ Прудон, резко отрицательно относившийся к идее независимости Польши, а также Ш. Монталамбер, Э. Жирарден, редактор газеты «Насьон» Л.Дюпон². Но общий настрой европейцев был в пользу поляков, и это с удовлетворением отмечалось в кругах польской эмиграции, которая пристально следила за развитием событий в Королевстве Польском, жадно ловя «каждое слово, прилетевшее к ней с Вислы и Немана»³. Доходившие до нее известия возбуждали в ней энтузиазм и стремление принять участие в борьбе. Польская молодежь в Париже, узнав о манифестации 27 февраля, собралась в польской военной школе и постановила ехать в Польшу, сформировавшись в военный отряд под командой инструктора школы капитана Целинского. Во второй половине марта такое же решение приняли молодые эмигранты, приехавшие из Литвы. Они намеревались, вернувшись на родину, созвать в Вильно в день св. Георгия вселитовский съезд и организовать там массовую манифестацию⁴.

Польская политическая эмиграция стремилась всеми средствами подчеркнуть свою солидарность с участниками национального движения в Королевстве Польском и усилить впечатление, произведенное варшавскими событиями на общественное мнение Запада. Поляки и прежде отмечали за границей свои национальные праздники, но теперь они еще более торжественно служили молебны в память жертв варшавских расстрелов. 16 марта 1861 г. в Париже состоялась панихида по убитым 27 февраля. Ее организатором стала консервативная аристократическая партия, собравшая на эту цель 3 тыс. франков; жертвовать средства призвал активный деятель партии Анджей Козьян, от имени консерваторов обратившийся к эмиграции с воззванием⁵. Впрочем, обычно на таких патриотических богослужениях объединялись различные течения польской эмиграции. Так, по агентурным данным, на панихиде, состоявшейся 19 марта 1861 г. в католической церкви на Варвик-стрит в Лондоне, присутствовали все видные представители аристократической и демократической польской эмиграции, причем прибыли многие поляки из английской провинции⁶.

Всего было 300 человек, из них 100 поляков, а остальные — англичане и немецкие, французские, русские эмигранты, среди которых находились также А.И.Герцен и Н.П.Огарев. Присутствовавшие собрали средства в помощь семьям убитых в Варшаве⁷. Такие же молебны были устроены в 1861 г. польскими эмигрантами в Константинополе по инициативе представителей демократического направления Францишека Сокульского и ксендза Лаврыновича⁸. Торжественные богослужения проходили и осенью 1861 г. в Париже, а также в 1862 г., когда польские эмигранты, находившиеся в Париже и Брюсселе, отмечали годовщину варшавских событий⁹.

Подъем национального движения в Польше способствовал усилению оживленной полемики в среде польской политической эмиграции, вызвал к жизни массу новых брошюр, воззваний, выступлений в печати. Эмигранты пытались дать оценку происходящему на родине, определить значение патриотических выступлений польского народа. Винцентый Мазуркевич, деятель демократического крыла эмиграции, говоря о событиях 1861 г., утверждал, что они «будут составлять одну из важнейших дат в истории национального рабства», так как являются самостоятельным проявлением бессмертного духа Польши и свидетельствуют о силе великого патриотического действия, в основе которого лежат всеобщая справедливость и братство. Поэтому он называл их «революцией»¹⁰.

Однако некоторые эмигранты с опасением относились к революционному подъему в Королевстве Польском и видели в нем только лишний аргумент в пользу компромисса с царизмом. Так, Юзеф Заливский-Микорский в своем «Адресе поляка к Его Величеству Александру II» откровенно заявлял, что «предпочитает средства, способные сразу успокоить соперничество» поляков и русских, и утверждал при этом, что выражает мнение своей страны. Он пытался убедить царя в том, что восстановление Польши чрезвычайно важно как для Европы, так и для самой России, ибо только одно оно может дать новую основу могуществу Российской империи и спасти ее от враждебности Европы. Заливский подчеркивал, что поляки не хотят выступать на борьбу, которая, по его мнению, послужила бы только интересам царского правительства. «Ваше Величество, быть может, предпочитает немедленный конфликт, чтобы предотвратить опасность, которая его ждет, — писал он, — наша политика не позволяет нам ничего подобного. Когда ударит час борьбы, мы узнаем об этом по тому всеобщему трепету, который мы почувствуем. А до тех пор мы будем отвечать на вооруженные подстрекательства легальной агитацией». Завершал он «Адрес» новым призывом к царю восстановить Польшу добровольно, подчеркивая, что это «единственное средство сразу, просто и величественно ответить достойно на ожидания» поляков и принять участие в судьбах Европы¹¹. В «Адресе» Заливского звучал голос части

польского общества, боявшейся народного движения и стремившейся предотвратить его.

Приблизительно на такой же позиции стоял и анонимный автор вышедшей в Париже брошюры «Несколько слов по поводу письма из Польши под названием „Польский вопрос в 1861 г.“». Напуганный размахом манифестационного движения, он осуждал «злоупотребление» подобными средствами и сочувственно принимал все уступки царизма, хотя и отмечал, что Польша может существовать только в целом, нерасчлененном виде. Как и Заливский, автор брошюры подчеркивал, что вооруженное восстание польского народа «ныне было бы желательно только для России», и выражал надежду, что правительству не удастся спровоцировать поляков на вооруженное выступление. В связи с этим он превозносил Земледельческое общество и руководителя этой помещичьей организации в Королевстве Польском Анджея Замойского, ставя ему в заслугу удержание Польши на легальном пути¹².

Вера в правильность такого пути характеризовала и выступление в печати противника революционных действий Стефана Бушчиньского, озаглавленное весьма выразительно — «Терпение или революция». Автор советовал польскому народу «терпеть», уверяя, что только «терпение может спасти родину; нетерпение же может ее погубить или задержать ее освобождение». «Остается одно, — заявлял он, — терпеть и победить. Победа в страдании, а страдание это терпение». Превознося пассивность и жертвенность, Бушчиньский выступал как против надежд на внешнюю помощь или на уступки правительства, так и против всяких попыток завоевать свободу собственными силами, активными действиями: «Пусть никто не думает, — писал он, — что тот служит родине, кто организует комитеты, клубы, общества. Время конспирации прошло для нас безвозвратно. Ныне заговоров нет и не должно быть; только общее, согласное взаимопонимание всей без исключения нации». В связи с этим автор осуждал существование партий в польском обществе и требовал единства мыслей и действий всех поляков¹³.

Стремление к национальному согласию всех классов польского общества составляло существенную сторону выступлений консервативной эмиграции и отражало попытки шляхты замаскировать социальные противоречия видимостью общенациональных интересов. Замалчивая факт проявления антифеодальной борьбы крестьянства и выступления городских низов в Королевстве Польском, эмигрантская публицистика этого направления уверяла общественное мнение Запада и самих себя в том, что события 1861 г. сплотили воедино всю нацию независимо от классовой принадлежности: «Те, кто клеветает на Польшу, обвиняя ее в мнимом расколе, [...] могли бы видеть, как любовь к родине глубоко

объединила всех детей Польши», — писал анонимный автор брошюры «Похороны Иоахима Лелевеля*»¹⁴. В плане решения вопроса о единстве нации польская политическая эмиграция обсуждала, в первую очередь, аграрную проблему, ставшую особенно актуальной в связи с ростом революционных настроений в деревне. В польских заграничных публикациях один за другим появлялись проекты разрешения крестьянского вопроса, проведения аграрной реформы. Большинство авторов выступало с позиций защиты помещичьей собственности и стремилось ограничиться минимальными уступками крестьянству. Так, Кароль Балиньский, сторонник мистической секты Анджея Товяньского, в брошюре «Голос польского люда в тысячелетнюю годовщину смерти Пяста» называл клеветой мнение, будто крестьянин хочет лишь «денег или земли», будто «его материальная нужда представляет собой единственную и полную претензию, которую он имеет» к шляхте. Он доказывал, что разрыв между крестьянством и помещиками нельзя уничтожить «никаким материальным даром, никакими уступками, никаким наделением земель в собственность». По лицемерному утверждению Балиньского, крестьяне жаждали не материальных, а моральных даров от шляхты — любви, милосердия и прочих сердечных проявлений. Поэтому он считал оскорбительными для народа идеи демократов о наделении крестьянства землей в собственность, так как идеи эти были, якобы, рассчитаны на то, что крестьянин понимает лишь «низменные» материальные интересы. Балиньский осуждал возбуждение в крестьянах «жажды выгоды, жажды земельной собственности как стимула к борьбе за Польшу», видя в этом «страшное принижение, вместо поднятия и облагораживания, приковывание духа к земле вместо призыва его к чистой и высочайшей жертве»¹⁵.

Если Балиньский, прикрываясь евангельской демагогией, выступал вообще против наделения крестьян землей, то анонимный автор брошюры «Социальный вопрос в отношении национального дела, голос из Польши» стоял за передачу крестьянам их наделов в собственность, но непременно на основе добровольных и постепенных уступок и соглашений, а отнюдь не революционным путем. При этом он выступал за обязательное вознаграждение помещиков как необходимое и справедливое условие проведения реформы. Автор брошюры не скрывал, что разрешение крестьянского вопроса интересует его не само по себе, а с точки зрения интересов будущего национально-освободительного восстания. Поэтому он требовал проведения аграрных преобразований как можно скорее, до начала восстания, и одновременно выдвигал задачу

* Похороны патриарха польской демократии Иоахима Лелевеля (1786–1861) состоялись в Париже на Монмартре 1 июня 1861 г.

морального воздействия шляхты на крестьянские массы через церковь, школы, благотворительность и пр.¹⁶.

За постепенный выкуп крестьянами своих наделов при помощи земельного кредита высказывался и автор уже упомянутой анонимной брошюры «Несколько слов по поводу письма из Польши ...», утверждавший, что безвозмездная передача крестьянам их наделов является несправедливой, незаконной и даже вредной, так как потворствует безграничной жадности человеческой натуры. «Собственность, — писал он, — должна быть вновь и по-настоящему желанна и по-настоящему приобретена, а не навязана или подарена, с одной стороны, а с другой — отобрана силой». Автор понимал, что путем выкупа наделов крестьянство в целом не удовлетворит своей нужды в земле, да он и не стремился к этому, считая фантазией и утопией мысль о наделении землей всех. Он видел цель в том, чтобы уравнивать поляков перед законом и сделать приобретение земли доступным для каждого. Таким путем он рассчитывал создать многочисленный класс мелких собственников, которые, приобретя клочок земли, всецело бы находились в зависимости от крупного землевладельца-помещика¹⁷.

Все эти проекты, хотя и отличались аргументацией и отдельными деталями, преследовали интересы шляхты, защищали панскую собственность и рассматривали аграрную реформу исключительно как средство предотвратить социальный взрыв и обеспечить поддержку крестьянства в национальной борьбе. Правда, иногда в этом согласном хоре звучали и другие голоса. Так, несомненно, иным было выступление последователя Шарля Фурье Станислава Братковского, критиковавшего идею выкупа крестьянами своих наделов как «продажу», хотя в принципе он не возражал против вознаграждения шляхты. Братковский разрабатывал план применения идей Фурье в Польше, считая момент реформы подходящим для насаждения в польской деревне фаланстеров, участниками которых были бы, наряду с крестьянами, и паны. Доход в этом случае должен бы был распределяться по труду и капиталу¹⁸. Конечно, подобные планы были слишком фантастичны и не имели большого значения, но они свидетельствовали о том, что крестьянский вопрос сильно волновал умы польских эмигрантов и привлек к себе внимание представителей различных политических и идейных течений.

Наряду с вопросом о направлении национального движения и с крестьянским вопросом, польское эмигрантское общество весьма занимала проблема дальнейшей деятельности и задач самой эмиграции. Новые изменившиеся условия требовали от эмигрантов перестройки всей работы. Об этом писал В.Мазуркевич, напоминая эмиграции о ее роли и значении как «центрального пункта всей Польши», как «выражения чистейшего патриотизма и стойкой самоотверженности», как представительницы «на-

циональных нужд и надежд» за границей. Отмечая, что эмиграция «является единственной кузницей общественных и политических мыслей, которые должны направлять национальное дело», Мазуркевич утверждал, что «в настоящем положении страны только одна эмиграция способна выработать и распространить здоровые и основательные понятия об общих национальных нуждах, о том, чего требует от каждого общепольский, а не местный патриотизм». В качестве насущных задач эмиграции он выдвигал именно эту «умственную работу в области общенациональных нужд, направленную на освобождение родины», а также старую задачу представления требований Польши на Западе. «Пропаганда [...] внутри страны, деятельность за границей от ее имени, — писал он, — вот две области работ, бросающиеся в глаза, [...] которые падают исключительно на эмиграцию и составляют ее неизменную национальную программу». Кроме этих направлений активности эмиграции Мазуркевич намечал для нее еще два рода деятельности — работу национально-филантропического характера и участие в подготовке восстания¹⁹.

Таким образом, эмиграция как бы выражала готовность взять на себя всю ответственность за судьбы Польши и направлять ее политику в напряженной обстановке роста национально-освободительного движения. Но на самом деле соответствовать этой роли и выполнить взятые на себя обязанности польская политическая эмиграция была не в состоянии. В идейно-политическом отношении она не представляла собой единого организма, и это засвидетельствовали уже те первые отклики на события в Польше, которые нашли выражение в приведенных выше публицистических выступлениях эмигрантов из разных лагерей. Причем не было единой позиции по главным вопросам — о подготовке вооруженного восстания и решении крестьянской проблемы. Большое значение имел и тот факт, что различие позиций касалось не только противостояния между консервативной и демократической частями польской эмиграции: в самом демократическом лагере также не существовало единства, так как его «умеренное» крыло противостояло революционным демократам. Это стало источником обострения политической борьбы внутри польской эмиграции в канун восстания 1863-1864 гг. в Королевстве Польском и не могло не отразиться как на подготовке и проведении вооруженной борьбы, так и на ее результатах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Limanowski B.* Pamiętniki. Warszawa, 1937. S. 235–236.

² *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864. T. I. Paryż, 1867. S. 255–256.

³ *Mazurkiewicz W.* Emigracja polska w 1862. Paryż, 1862. S. 43.

- ⁴ *Limanowski B.* Op. cit. S. 235–236.
- ⁵ [*Koźmian A.*] Listy Andrzeja Edwarda Koźmiana (1829–1864). T. IV. Lwów, 1936. S. 252, 254.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109. I экспедиция. 1861 г. Д. 21. Л. 95; Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1861 г. Д. 88. Л. 433.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Lewak A.* Dzieje emigracji polskiej w Turcji. Warszawa, 1935. S. 161; *Czapska M.* Ludwika Sniadecka. Warszawa, 1958. S. 269.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 109. I экспедиция. 1861 г. Д. 154. Л. 37; *Павлицев Н.И.* Седмицы польского мятежа // Сочинения. Т. 4. СПб., 1887. С. 60–61.
- ¹⁰ *Mazurkiewicz W.* Op. cit. S. 41–42.
- ¹¹ Adresse à sa majesté Alexandre II par un Polonais. Paris, 1861. P. 5, 7, 14, 15.
- ¹² Kilka słów z powodu listu z kraju pod tytułem „Sprawa polska w 1861 r.”. Paryż, 1862. S. 12, 15, 28, 36–37, 39.
- ¹³ Cierpliwość czy rewolucja. Paryż, 1862. S. 5, 8–9, 11, 13, 16.
- ¹⁴ Les funérailles de Joachim Lelewel. Paris, 1851. P. 6.
- ¹⁵ *Baliński K.* Głos ludu polskiego w tysiącletnią rocznicę zgonu Piasta. Paryż, 1861. S. 81–82.
- ¹⁶ *Giller A.* Op. cit. T. II. Paryż, 1867. S. 186–187.
- ¹⁷ Kilka słów... S. 17–20.
- ¹⁸ *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953. S. 119.
- ¹⁹ *Mazurkiewicz W.* Op. cit. S. 29–31, 33, 35.